

УСЛОВИЯ ТРУДА СПЕЦИАЛИСТОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ В ПЕРИОД НЭПА

Т. Г. Чебоксарова – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Омского юридического института, кандидат исторических наук

В условиях послевоенной разрухи в советской России при восстановлении экономического потенциала страны большое значение имело промышленное производство. Власть понимала, что ведущая роль в данном процессе принадлежит инженерно-техническим работникам (далее – специалисты). Для эффективного использования труда специалистов целесообразно было создать условия, позволяющие добросовестно выполнять должностные обязанности, проявлять творческую инициативу и применять знания и опыт, накопленные за долгие годы практики. Наряду с регулированием правового положения специалистов, материальным стимулированием их труда немаловажным считалось создание санитарно-гигиенических условий.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим трудовые отношения в период нэпа, являлся Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г (далее – КЗоТ). Кроме того, основу возникновения трудовых отношений, регулируемых КЗоТом, составляли трудовые договоры (коллективные и индивидуальные). Договоры, заключаемые специалистами, могли содержать специальный раздел «Об условиях труда инженерно-технических работников».

Согласно ст. 94 КЗоТа продолжительность нормального рабочего времени как на производстве, так и во вспомогательных работах, необходимых для производства, не могла превышать восьми часов. При этом Народному Комиссариату Труда по соглашению с Всероссийским Центральным Советом Профессиональных Союзов предоставлялось право установить категории ответственных политических, профессиональных и советских работников, труд которых не ограничивался време-

нем, установленным в ст. 94. К данной категории нередко относились высококвалифицированные специалисты, как правило, заключавшие индивидуальные договоры.

Исследования бюджета времени специалистов инженерно-техническими секциями (далее – ИТС) показали, что во всех регионах страны специалисты были чрезмерно загружены, и о нормированном рабочем дне говорить не приходится.

В Югостали у специалистов отмечали 17-часовой рабочий день¹. По данным союза металлистов Омска, в 1925 г. рабочий день равнялся 10 часам и порой достигал 14–15 часов². В Томске специалисты были в среднем загружены 10–12 часов³. Особенно тяжелым было положение в горной промышленности. В частности, на Донбассе и Урале рабочий день составлял в среднем 12 часов, в отдельных случаях – 15–16⁴. У специалистов-горняков Подмосковного бассейна число рабочих часов доходило до 11⁵. По данным Кузнецкого окружного бюро ИТС, продолжительность рабочего дня специалистов составляла 12–14 часов, на химзаводе «Кузбасс-уголь» – 9–12 часов⁶.

В 1927 г. по Сибири в среднем рабочий день составлял 11 часов 38 минут, и продолжительность рабочего дня доходила до 14–16 часов⁷.

В соответствии со ст.ст. 109–110 КЗоТа всем трудящимся должен был предоставляться еженедельный непрерывный отдых продолжительностью не менее 42 часов. Дни еженедельного отдыха устанавливались местными отделами труда по соглашению с советами профессиональных союзов и могли назначаться как в воскресные дни, так и на любой другой день недели в зависимости от национально-религиозного состава рабочих и служа-

¹ См.: *Инженерный труд*. 1926. № 4. С. 154.

² См.: *ГАО. Ф. 531. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.*

³ См.: *ГАО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.*

⁴ См.: *Инженерный труд*. 1926. № 10. С. 435; № 4. С. 158.

⁵ См.: *Инженерный труд*. 1925. № 3. С. 17.

⁶ См.: *ГАО. Ф. 531. Оп. 1. Д. 93. Л. 25.*

⁷ См.: *ГАО. Ф. 531. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.*

щих данной местности. Тем из трудящихся на предприятиях, в учреждениях и хозяйствах, которые по условиям работы не могли воспользоваться общеустановленным еженедельным днем отдыха, отдых мог предоставляться в другие, удобные для них, выходные дни. Те же правила распространялись и на лиц, работающих на предприятиях, деятельность которых по характеру своему являлась непрерывной. На этих предприятиях взамен общеустановленного дня отдыха определялись особые выходные дни для каждой группы трудящихся.

На практике чрезвычайная загруженность специалистов привела к тому, что 42-часовой непрерывный еженедельный отдых, как правило, им не предоставлялся. По данным секции горняков Подмосковского бассейна, 85 % членов секции систематически работали все воскресные и праздничные дни, 10 % в дни отдыха работали эпизодически, и только 5 % не работали вовсе в выходные дни⁸. Анкеты по Уралу показали, что в праздничные дни работали 78,8 % горняков, 83 % металлистов, 71 % текстильщиков, 81,6 % железнодорожников.

На предприятиях Сибири сложилась аналогичная ситуация. В 1926 г. в одной из статей «Кузбасса» автор, основываясь на данных ИТС, обращал внимание на загруженность специалистов на производственных предприятиях Сибири. «Нагрузка специалиста выражается в цифре 16–18 часов. Заняты все дни недели, и лишь за весьма редким исключением один свободный день (и то относительно!), один день в месяц, день отдыха... Спрашивается, где же 42-часовой отдых? Где здесь бережное отношение к живому капиталу советской промышленности?»⁹.

На основании ст. 114 КЗоТа всем лицам, работающим по найму, проработавшим непрерывно не менее 5,5 мес., должен был предоставляться один раз в год очередной отпуск продолжительностью не менее двух недель.

В отчете ИТС о положении специалистов на промышленных предприятиях Сибири в 1928 г. отмечали, что были случаи, когда специалист не пользовался отпуском в течение 5–10 лет. В частности, в 1925 г. в союзе металлистов 21,5 % членов секции отпусками не пользовались совсем¹⁰.

В соответствии со ст. 115 лицам, работавшим на особо вредных и опасных предприятиях, должны были предоставляться, кроме отпусков, предус-

мотренных ст. 114, дополнительные отпуска сроком не менее двух недель.

На Краевом межсекционном съезде инженеров и техников Сибири в 1927 г. сообщали, что отпуска специалистам предоставлялись, как правило, двухнедельные. Месячными отпусками пользовались в большинстве случаев инженеры, занимавшие ответственные посты¹¹.

По данным ВМБИТ, к III Всесоюзному съезду ИТР (апрель 1927 г.) в отдельных губерниях страны до 60 % специалистов имели месячный отпуск, но средний показатель по стране был значительно ниже – 16 %¹².

Загруженность специалистов на производстве можно объяснить совокупностью многих причин. Дефицит специалистов на предприятиях, вызванный эмиграцией специалистов, деквалификацией технического персонала и замедлением пополнения промышленных предприятий новыми кадрами специалистов, обуславливал их многофункциональность, т. е. требовалось выполнение функций незанятых вакансий. Помимо этого, итогом режима экономии, провозглашенного властью, стало нерациональное сокращение кадров на предприятиях, поскольку «под рационализацией аппарата хозяйственники поняли огульное сокращение штата. Кроме того, в целях экономии срезали ставки целому ряду оставшихся работников, а на место уходивших брали новых с меньшим окладом, а следовательно, и с меньшим производственным стажем. В результате громадная перегрузка рабочего дня специалистов»¹³ (Кузнецкий район. – Т. Ч.).

Важную роль сыграло и многоначалие над специалистом. К специалисту требования предъявляли и государство, и профессиональные организации, и хозяйственники. Например, государство требовало удешевления продукции и увеличения заработной платы рабочим, точного учета работ и себестоимости. Профессиональные организации – заинтересованности рабочих, технических достижений, направленных на поднятие производительности труда; участия в работе по просвещению рабочих. Хозяйственники, в свою очередь, заставляли вести учет, статистику, калькуляцию и т. п. Специалисты писали: «Сколько нужно выдержки, терпения, энергии, чтобы, удовлетворяя одних, не обидеть других и наоборот. Работа на производстве ежечасно, ежедневно выставляет новые требова-

⁸ См.: *Инженерный труд*. 1925. № 3. С. 12.

⁹ *Кузбасс*. 1926. 13 июня.

¹⁰ См.: *ГАНО*. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.

¹¹ См.: *ГАНО*. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 48. Л. 22.

¹² См.: *Пыстина Л. И.* «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999. С. 86.

¹³ *ГАНО*. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 101. Л. 45а.

ния, новые права и вертись как “белка в колесе”, выполняя все, что тебе предъявляют, иначе могут сказать: “Коэффициент полезного действия, дорогой товарищ, уменьшается, а отсюда предоставляем сделать вам самим вывод...”¹⁴.

Кроме того, следствием многоначалия являлась и непроизводительная трата времени на переделывание того или иного задания из-за несогласованности в действиях вышестоящих органов. Такое положение было также результатом отсутствия четкой регламентации прав и обязанностей специалистов.

Таким образом, специалист в период нэпа занимался не только прямыми обязанностями, но и несвойственной ему деятельностью: разрабатывал расценки, нормы выработки, инструкции, положения, проекты по реорганизации работ, принимал участие в просветительской деятельности, заседаниях, совещаниях и т. д. «...Если взять наши органы управления хозяйством, так в них инженер и техник, грубо беря цифры, на 80 % канцелярист, 15 % – администратор и на 5 % – подлинный техник. В самом производстве соотношение изменится в сторону уменьшения 80 %, но принципиальный смысл останется»¹⁵.

На III Всесоюзном съезде ИТР отмечали, что 57 % времени инженерно-технические работники заняты несвойственной им работой¹⁶. Данные анкетирования среди специалистов Томского округа свидетельствуют, что 30–40 % специалистов были загружены канцелярской отчетностью и т. п.¹⁷ В Ленинском районе инженерно-технические работники были «загружены работами по детскому и яслям»¹⁸.

В 1926 г в газете «Кузбасс» опубликована статья, в которой автор призывал профсоюзные и партийные организации немедленно вмешаться в сложившуюся ситуацию, иначе техническому персоналу грозит «изнашивание» и неизбежная деградация. Среди ненормальностей в условиях работы специалистов автор наряду с ненормированным рабочим днем, отсутствием выходных и отпусков отмечал нервную обстановку, в которой им приходится работать. «Сплошь и рядом не хватает материалов для выполнения той или иной работы. Шум, гвалт, крики, хаос наполняют конторы –

доказательства недовольства, адской ругани, проклятий...»¹⁹.

В 1926 г инженер С. Винницкий в «Инженерном труде» обращал внимание на перегрузку специалистов. «Благодаря этим чрезмерным перегрузкам «живые механизмы» выбывают из строя с катастрофической быстротой. И это в то время, когда государство озабочено серьезнейшим вопросом – восстановление основного капитала госпромышленности». Он утверждал, что «если отделы охраны труда следят за нормированием дня рабочих и служащих, не допуская их перегрузок, то в отношении специалистов этого никак сказать нельзя. Они как бы являются такими работниками, которые обязаны безоговорочно выносить на своих плечах чрезмерную нагрузку до тех пор, пока под тяжестью окончательно не свалятся при исполнении служебных обязанностей»²⁰.

Выполнение обязанностей, не соответствующих специальности, неустойчивая и нервирующая работа, часто неожиданная и почти всегда срочная и не соизмеримая с длительностью рабочего дня, нервная утомляющая атмосфера, выполнение общественных, союзных и партийных заданий – все это оказывало непосредственное влияние на моральное и физическое состояние специалистов.

«В Ленинске техник от переутомления упал при исполнении служебных обязанностей»²¹. Поскольку специалисты чаще всего были не заменимы на производстве, они редко прибегали к амбулаторным освобождениям от труда по болезни, а иногда были вынуждены работать в болезненном состоянии. Следствием этого становились серьезные переутомления и обострение запущенных болезней, переходящих в хроническую форму²². Наиболее распространенными заболеваниями среди специалистов были невращения в слабой, средней и сильной степенях; болезни сердца и преждевременный склероз, туберкулез, желудочные заболевания²³.

Нередким явлением на производстве были смертельные случаи. Например, инженер В. А. Вейхель, работающий помощником главного инженера на химзаводе «Кузбасс-уголь», умер, выполняя свои служебные обязанности на производстве. Из заключения СМБИТ: «Во время пожара на

¹⁴ Кузбасс. 1926. 13 июня.

¹⁵ Вестник сибирских инженеров. 1926. Т. VI. С. 91.

¹⁶ См.: ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 68. Л. 12 об.

¹⁷ См.: ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 44. Л. 19.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Л. 101. Л. 69.

¹⁹ Кузбасс. 1926. 13 июня.

²⁰ Инженерный труд. 1926. № 4. С. 141.

²¹ ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 101. Л. 67.

²² См.: Инженерный труд. 1926. № 2.

²³ См.: Инженерный труд. 1927. № 3.

химзаводе, получив тревожное сообщение по телефону, от сильного беспокойства получил резкое нервное потрясение с легким затемнением сознания. Во время тушения пожара Вейхель принимал активное участие, где падал несколько раз без чувств, вследствие отравления окисью углерода, что, нужно полагать, еще больше повлияло на организм инженера Вейхеля и повлекло за собой резкое ослабление сердечной деятельности, которое послужило причиной его смерти»²⁴.

Таким образом, как писал специалист по психотехнике профессор Н. Смирнов в 1925 г., «от инженера вообще не требуется какого-то специально хорошего здоровья, каких-то совершенных физических качеств, но он должен обладать умением побо-

роть сон и проявить работоспособность при достаточно длительном отсутствии времени на сон»²⁵.

Отсутствие свободного от производственной деятельности времени оказывало влияние на образовательный и профессиональный уровни специалистов, «ибо нельзя от человека, работающего по 14 часов в сутки, требовать еще работы над самим собою, чтения и знакомства с новейшей техникой»²⁶.

Такое положение дел непосредственно влияло на развитие производительных сил страны. Работа специалиста на производстве в ослабленном и утомленном состоянии, несвоевременное получение новых знаний о достижениях науки и техники приводили к снижению производительности труда и его качества.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 93. Л. 66.

²⁵ Крыштановская О. В. Инженеры, становление и развитие профессиональной группы. М., 1989. С. 91.

²⁶ Кузбасс. 1926. 13 июня.